

ЗАМЫСЕЛ РОМАНА «ОСТРОВ УТОПИЯ»

Сообщение М. Л. Семановой

В письме к Л. Ф. Нелидовой от 3 ноября 1877 г. Слепцов писал: «Знаешь,¹ что я делаю? Я сочиняю роман, превосходнейший роман. Называется он — „Остров Утопия“. Меня навел на эту мысль разговор с тобой. Помнишь, я тебе рассказывал о необитаемом острове на Тихом океане? После твоего отъезда я начал думать, думать, далее и более <...> превосходная идея! Если ее обделать как следует, то из этого можно сделать нечто в роде Дон Кихота.

Только теперь этот роман мне не очень кстати, мне нужно что-нибудь поменьше и не столь монументальное; теперь по моим делам мне нужна вещь рублей на 500 и чтобы сделать ее в месяц, а за „Утопию“ просидишь года три.

В последние дни надоел мне этот роман, как докучная муха: не хочу думать, а сам все думаю. Не с кем поговорить, а то бы я от него отговорился...»¹

Среди неосуществленных замыслов Слепцова замысел романа «Остров Утопия», о котором идет речь, представляет особый интерес. Он является еще одним доказательством того, что ученик Чернышевского, организатор «Знаменской коммуны», оставался до конца своих дней верен демократическим и социалистическим идеям.

Твердость убеждений Слепцова признавали и его идейные противники. Так, в 1865 г. сотрудник «Отечественных записок», недоброжелательно рецензируя повесть «Трудное время», писал об ее авторе: «Это единственный из молодых беллетристов, который, по-видимому, без борьбы и завета отдался „Современнику“, проникся его верою, решился не выпускать его руководящей нити из рук». Любопытно, что при этом повесть Слепцова ставилась рядом с такими произведениями, как «Что делать?» Чернышевского и «Утопия» Томаса Мора: «Мы разбирали капитальное произведение серьезного журнала, которое по преимуществу и даже исключительно должно быть названо произведением мысли, как, например, „Остров Утопия“ или роман „Что делать?“»².

Едва ли можно сомневаться в том, что писатель был знаком с такими классическими произведениями английской, итальянской, французской «утопической» литературы, как «Утопия» Томаса Мора, «Город солнца» Кампанеллы, «Путешествие в Икарию» Э. Кабе и др. Об интересе же Слепцова к теоретическим сочинениям социалистов-утопистов свидетельствуют имевшиеся в бумагах писателя выписки из сочинений Фурье об устройстве фаланстеров («гармоний», как называл их Слепцов)³.

Конечно, замысел романа «Остров Утопия» возник не из литературных источников. Замысел родился в раздумьях Слепцова над социальным неустройством современной ему действительности. Но если говорить о воздействии литературных образцов на этот замысел, то в первую очередь нужно указать на роман Чернышевского «Что делать?» и особенно на созданные в нем картины будущего гармонического человеческого общества — социализма. Воздействие этого романа на писателя было так велико, что он, как известно, *практически* стремился осуществить в своей «Знаменской коммуне» завет Чернышевского приближать будущее, работать для него, переносить в настоящее все, что можно перенести. Идеи коллективизма, свободного, творческого, общественно полезного труда, равноправия, свободы, счастья, наслаждения жизнью для всех — были в высокой степени близки Слепцову. Они составляли основу его мировоззрения.

В «подводном течении» своих художественных и публицистических произведений, а порою и явно (см. выше «Петербургские заметки») Слепцов доказывал необходимость уничтожить разные монополии и привилегии (социальные), установить такой порядок, при котором бы все «имели обеспеченное насущное пропитание», возможность свободно развиваться физически и духовно. С недоумением и негодованием смотрел он на тех, кто удовлетворялся жизнью, какова «она есть», ограничивал свое существование обывательским маленьким уголком, вполне мирился на «счастье» с дозволения начальства. «Что можно сказать людям, — писал он в «Провинциальной хронике», — которые дождались возможного счастья на земле и говорят, „да, мы счастливы, мы довольны тем, что у нас есть, и знать больше ничего не хотим“».

Л. Ф. Нелидова в своем романе «На малой земле», посвященном Слепцову, где он изображен под фамилией Свиридова¹, рассказывает, что еще в юности он разработал «теорию наслаждения», которую противопоставил и животному эгоизму и теории страдания, самопожертвования. Судя по всему, эта слепцовская «теория наслаждения» была сродни и учению Шарля Фурье о страстях, свободная игра которых дает человечеству счастье, и теории разумного эгоизма Чернышевского.

«Малой землей» называл Свиридов (Слепцов) всякую насильственно суженную несвободную жизнь, в том числе жизнь женщины, поработенной в тогдашних условиях русской действительности ее социальным укладом и семейным деспотизмом мужчины.

Почти дословно передает Нелидова в своем романе письмо Слепцова о замысле «Остров Утопия», оживляя этот замысел еще некоторыми подробностями, которые сохранила ее память:

«Превосходная идея! Если ее отделать как следует, то из этого может выйти вроде Дон Кихота <...> — Герой не хуже тебя озабочен „малой землей“, у него целый ряд проектов для разрешения вопроса <...> Он верит в них и полон желания действовать, но, разумеется, препятствия, столкновения, интересные встречи <...> Целый ряд типов из самых разнообразных слоев общества, вся наша бродячая и фантазирующая, нелепая и неуравновешенная Россия <...> При современном строе нет выхода. На острове Утопия предполагаются другие порядки, но он пока необитаем»².

Сравнение героя задуманного произведения с Дон Кихотом порождено сложным комплексом мыслей и чувств, которые вызывает обычно у читателей образ, созданный Сервантесом. Здесь сказалось не только сочувствие Слепцова героической борьбе революционеров «шестидесятников» и «семидесятников», но и трезвое понимание невозможности достичь победы на данном историческом этапе, в данной исторической обстановке. И несколько скептическое отношение к «бродячей и фантазирующей» России, и осознание трагедии целого поколения борцов за счастье народа — чувствуется в замысле Слепцова. Некоторые современники писателя, идейно связанные в прошлом с социалистическими идеалами Белинского, Пеграшевского, Чернышевского, после краха первой революционной ситуации в России встали на путь сомнения и отрицания идей «золотого века» и «хрустальных дворцов» будущего, Слепцов же остался верен своей мечте о социалистическом обществе, о необитаемом пока еще острове Утопии, где будут иные порядки.

В этой мечте отразились стремления народа к освобождению, сказались исторические предчувствия неизбежного в будущем преобразования общества.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 271, л. 178—178 об.

² Incognito (Е. Ф. З а р и н). Четыре повести и один пономарь. — «Отечественные записки», 1865, № 12, стр. 715.

³ К. И. Ч у к о в с к и й. История Слепцовской коммуны. — В. А. С л е п ц о в. Сочинения, т. I. М. — Л., 1932, стр. 561.

⁴ См. об этом романе в сообщении Л. А. Евстигнеевой в настоящем томе.

⁵ Л. Н е л и д о в а. На малой земле. — ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 16, лл. 155, 158.